

Глава 207: Битва среди метели

Услышав эти слова, окружение каменного плато стало несравнимо тихим.

Все здесь понимали, что в первый год Ван По вошел в Мавзолей Книг, чтобы изучать монолиты, и он убедился, что пребывать здесь дальше будет пустой тратой жизни. Тем не менее, в конечном итоге он, как и многие другие, не хотел уходить. В результате он хотел попробовать короткий путь. Однако, в конце концов, он простоял за линией целую ночь, прежде чем развернуться и покинуть мавзолей на рассвете.

За пределами мавзолея Мао Цю Юй взглянул на мужчину под деревом-пагодой.

Тот человек ничего не говорил.

Сюнь Мэй молчал некоторое время, а затем он понял, почему Хань Цин, в качестве Стража Мавзолея, произнес эти слова. «Так господин уже знает, кто я».

Доспехи под павильоном оставались неподвижными, но тот искаженный голос вырвался из мрака: «конечно, я знаю, кто ты. Несколько десятилетий назад культиваторы континента начали называть имена нового набора расцветающих цветов: Ван По из Тяньлян, Окрашенные Доспехи Сяо Чжан, Недвижимая Гора Лян Вансунь, Ступающий по снегу Сюнь Мэй... все вы были наиболее одаренными и имели наибольший потенциал. В битве против демонов, надежды человечества покоились на ваших плечах... Ты оставался в Мавзолее Книг для изучения монолитов в течение тридцати семи лет, так что я наблюдал за тобой в течение тридцати семи лет. Ты на самом деле неплох. Сегодня вечером ты, наконец, справился с этим препятствием в своем уме, так почему бы тебе не уйти. Почему ты настаиваешь на альтернативном пути?»

«Нет, мое препятствие прямо перед моими глазами. Я уже увидел его, но не пробился через него. Что же насчет альтернативного пути, он также может быть правильным путем».

Взгляд Сюнь Мэя пронесся мимо павильона и снова упал на вершину мавзолея.

Голос Хань Цина остановился на мгновение, прежде чем зазвучать в очередной раз: «Ван По - умный человек. Так как ты установил его в качестве цели, то, по крайней мере должен показать ту же мудрость».

«Правильно, всю свою жизнь я хотел превзойти его. Теперь, когда я смотрю на это, по крайней мере, в этом вопросе, он мне не ровня», - ответил Сюнь Мэй.

Хань Цин равнодушно ответил: «Он не настолько идиот, как ты?»

Подумав мгновение, Сюнь Мэй ответил: «Он не настолько идиот, как я».

Хань Цин остановился на мгновение, а затем ответил: «Это разумно».

В лесу за пределами мавзолея рука того мужчины упиралась на дерево-пагоду, но он продолжал молчать.

«За эту сотню лет, ты первый, кто решил вторгнуться на Божественный Путь», - в павильоне на юге мавзолея Хань Цин продолжал говорить.

Сюнь Мэй ответил: «Я довольно глуп».

Глупый и идиот были двумя словами, у которых были близкие значения. Однако, между ними

существовала большая разница.

«У глупого человека может быть хорошая карма».

Хань Цин ответил: «Как Страж Мавзолея, я - часть Мавзолея Книг. Если ты одержишь победу надо мной, то тебе будет позволено пройти по Божественному Пути».

Выражение Сюнь Мэя было спокойным, когда он сжал руки в официальном приветствии.

Это было установленное правило Мавзолея Книг, и оно также было справедливым и правильным. Если бы кто-то смог победить Божественного Генерала номер один, то он определенно был экспертом, который мог стоять рядом с Пятью Святыми и Восемью Бурями Кардинальных Направлений. Если такой эксперт хотел посмотреть Небесные Тома, то зачем ему подчиняться правилам Династии Чжоу? Чэнь Чан Шэн почувствовал, что Божественный Генерал Хань Цин сказал эти слова не только для Сюнь Мэя, но и для молодых людей, стоящих на краю каменного плато.

Сюнь Мэй посмотрел на свои ноги и заметил, где каменное плато подходило к концу, а где начинался Божественный Путь. Это было место, где черное уступало священному белому.

Затем он поднял колено.

Голова Хань Цина под павильоном оставалась склоненной. Его внешний вид был скрыт в тени его брони, но его голос внезапно стал холодным. «Сюнь Мэй, хотя твоя жизнь имеет большее значение для человечества, если ты останешься живым, я по-прежнему Страж Мавзолея. То, что я охраняю, это правила Мавзолея Книг, поэтому я не буду сдерживаться. Ты тоже можешь сражаться без беспокойства и без каких-либо колебаний».

После пробуждения ото сна длиною в тридцать семь лет, Сюнь Мэй хотел увидеть правду на вершине мавзолея. Как он мог колебаться? Это было, как будто Сюнь Мэй даже не слышал слова от оппозиции, и сделал шаг вперед.

Сделанный им шаг был очень обычным. Его нога очень посредственно ступила на землю и не сделала ни звука.

Звуки вокруг павильона все еще были звуками воды: звук воды от водопадов, спускающихся со скал на камни внизу, и бульканье воды в каналах.

Ступня Сюнь Мэя пересекла линию.

Мавзолей Книг, который был окутан в темноте, вдруг ярко загорелся.

Свечение ламп было едва заметно поздно вечером. Единственный источник света, который мог бы осветить весь мавзолей, мог прийти только с неба. Он должен был бы прийти от моря звезд.

Чэнь Чан Шэн поднял голову и увидел звезды в ночном небе, которые сияли с непревзойденной яркостью. Он неосознанно прищурился.

На самом деле звезды на небе не стали ярче. Даже если стали бы, не было бы никакого способа для человеческого глаза заметить разницу. Это было чистое чувство или, возможно, что-то, что лишь духовное чувство могло воспринять.

Все возле каменного плато почувствовали это, но ни один из них не смог воспринять это так же

хорошо, как Чэнь Чан Шэн. Это было потому, что ни у кого из них не было настолько спокойного и глубокого духовного чувства, как у него.

Он мог даже чуть-чуть чувствовать, какая звезда начала сиять первой среди бесчисленных звезд на небе.

Эта звезда была в далеких глубинах юго-восточного региона. Возможно, это была Звезда Судьбы Сюнь Мэя.

Сделав один шаг вперед, чтобы увидеть истину, его Звезда Судьбы почувствовала это и вдруг стала ярче. Сюнь Мэй... до какого же уровня достигла его культивация?

Чэнь Чан Шэн подумал о том времени в Павильоне Нисходящего Тумана, где он увидел звездное небо и был наполнен чувством трепета.

Блеск звездного света превратил полноту Мавзолея Книг в мир серебра.

Сюнь Мэй стоял перед павильоном. Волосы, которые он завязал во дворе соломенной хижины, в какой-то момент вновь стали свободными и опустились на его плечи. Звездный свет мгновенно смыл грязь на его теле. Его длинные волосы парили на ветру, и серебристо-белые волоски особенно выделялись.

Он стоял между Божественным Путем и каменным плато. Сюнь Мэй оставался в том же месте, и он, очевидно, не начал идти к павильону... но он уже начал идти к павильону.

На Божественном Пути постепенно появился след.

Божественный Путь был сделан из белого камня. Его следы были мокрыми, так что они были очень отличительными.

Сюнь Мэй шагал через воду, так что его ботинки были естественно мокрыми.

После наблюдения за этой сценой, глаза Чэнь Чан Шэна расширились. Чжэ Сю тоже просто пялился пустым взглядом туда, где он был. Они выросли в старом храме деревни Си Нин и холодных, заснеженных равнинах соответственно. Они редко видели настоящую битву между двумя экспертами, так что не имели понятия, как объяснить эти следы. В сравнении с ними, Танг Тридцать Шесть и четыре члена Секты Меча Горы Ли были относительно более спокойными.

Мокрые следы продолжали появляться на Божественном Пути, как будто был невидимый человек, который шел по нему.

Сюнь Мэй спокойно посмотрел на павильон.

Вскоре после этого следы уже сдвинулись на десять или около того метров ближе к павильону.

Возник металлический звук.

Под павильоном продолжал дуть ночной ветер.

Голова Хань Цина оставалась склоненной, а его меч оставался опущенным. Тем не менее, меч, который опирался о его грудь, казалось, был готов уйти, выдвигаясь на полсантиметра из ножен.

Это было маленькое расстояние, но казалось, что он был полностью обнажен.

Бесчисленные пылинки слетели с края ножен, распыляясь в воздух павильона.

Наряду с этой пылью невероятно могущественное ци вышло из середины павильона, охватывая всю ширину Божественного Павильона.

Это ци было таким же, как железо, и оно по-прежнему имело кровь. Оно было торжественным и прочным, как древняя стена города, окрашенная кровью бесчисленных солдат.

Никто не мог видеть эту стену, но все они знали, что она была там, на Божественном Пути.

Шаги Сюнь Мэя прекратились. В течение долгого времени мокрые следы не появлялись на Божественном Пути.

Затем его взгляд пронзил тот павильон и чудовищную фигуру, сидевшую под ним. Он пал на Мавзолей Книг, как спичка на фитиль, который начал яростно гореть с потрескиванием.

Его взгляд начал гореть. Его зрение начало гореть. Его глаза начали гореть.

Его глаза начали сиять, как будто они были новорожденными звездами.

Его тело начало медленно наклоняться вперед.

Мокрый след вновь появился на Божественном Пути.

Если меч Хань Цина был городской стеной, то он хотел непосредственно сокрушить эту городскую стену на куски.

На Божественном Пути следы воды становились все более и более определенными, пока следы шли вперед. Это был путь, которым он пойдет.

Он собирался идти по Божественному Пути, пройти под павильоном, и направиться непосредственно к вершине Мавзолея.

После каждого шага его лицо становилось все бледнее и бледнее. Каждый шаг был все более и более болезненным, но его глаза были полны радости.

Жизнь лишь реальна, когда есть боль.

То, с чем он хотел столкнуться, была реальность.

Пока шло время, следы на Божественном Пути продолжали продвигаться вперед, пока они почти не достигли павильона.

Сюнь Мэй все еще был отделен от павильона около сотней метров, но он уже мог видеть ту пару глаз в тенях брони.

Два могущественных ци молча столкнулись на юге от Мавзолея.

Чистая вода в каналах, казалось, кипела в тревоге, а затем начала переполняться во всех направлениях. Эластичная и бесформенная вода начала медленно принимать форму.

Даже твердое и жесткое каменное плато начало меняться. Под давлением их могущественного

ци оно начало опускаться вниз и образовывать впадину.

Это было, как если непостижимо огромный, тяжелый и невидимый валун приземлился на нее.

Каменные фрагменты отлетели, и края каналов производили ноющий и искаженный звук.

Лишь быстро отступая, Чэнь Чан Шэн и другие смогли избежать силовой волны. Наблюдая за потрескавшейся и опустившейся поверхностью, их глаза были наполнены трепетом, глядя на две фигуры на Божественном Пути.

Столкновение их ци не длилось слишком долго.

Сюнь Мэй смотрел на павильон, а затем свистнул.

Свист был похож на менеджера сцены, который попросил кого-то начать разбрасывать кусочки бумаги по сцене. Эти кусочки бумаги представляли искусственный снег, но в этот миг начал падать настоящий снег.

Нет, это был не снег, а звездный свет, разделенный на множество частей.

Рассеянный звездный снег, который отнесло, ничем не отличался от снега.

Сюнь Мэй стоял в снегу, как будто вернулся в старые времена.

В те дни он был подростком. Он стоял перед дверью своего учителя три дня и три ночи, пока снег не достиг его коленей.

В каком году это было? Это был год даже раньше, чем тридцать семь лет назад.

После почти пятидесяти лет горькой культивации и тридцати семи лет изучения монолитов, он давно перестал быть тем изможденным ребенком, который сильно заболел от холода бурь.

Он был культиватором, который почти достиг уровня Святого.

Лишь сейчас молодые люди, которые наблюдали за битвой, поняли, что культивация Сюнь Мэя достигла такого уровня. Они лишь могли быть шокированы до тишины.

В это время Страж Мавзолея под павильоном поднял голову.

Черты лица, которые были скрыты тенью брони, наконец-то увидели свет.

Это было пожилое и апатичное лицо.

Его крик прорезал воздух.

Бесчисленные пылинки высыпались из многочисленных трещин в его броне.

Он сидел перед Божественным Путем несколько сотен лет.

Это было несколько сотен лет пыли.

Несколько сотен лет назад война между человечеством и демонами достигла завершающей стадии.

Он был последним генералом, назначенным Ван Чжи Цэ.

Когда он наконец поднял голову и посмотрел на Сюнь Мэя, его взгляд был подобен острейшему мечу.

Кроме того, его меч действительно покинул ножны.

Рассеянный звездный свет медленно дрейфов вниз к земле.

Меч Божественного Генерала Хань Цина был стойким на ветру и снегу, как золотое копье или бронированная лошадь.

В передней части павильона уже появилась снежная равнина.

С точки зрения Сюнь Мэя, третий звездный свет был снегом с тех времен, когда он стоял перед дверью своего учителя.

С точки зрения Хань Цина, этот размельченный звездный снег был снегом, который падал на поле боя все те годы назад.

Два различных снега представляли две различные воли. У каждого из них была своя воля.

Хотя они были разделены сотней метров, Сюнь Мэй смотрел на это пожилое лицо, как будто оно было близко.

Этот бой, наконец, достиг кульминации и того момента, когда будут решены победа и поражение. Два эксперта оба применили свои сильнейшие техники. Подростки, наблюдающие за боем от края каменного плато, более не могли этого выдерживать. Даже если бы они делали шаг за шагом назад, на них все еще дула буйная метель во все стороны, и они могли упасть в любой момент.

В этот момент Гоу Хань Ши вдруг схватил левую руку Чэнь Чан Шэна. Чэнь Чан Шэн понял его намерение и с силой схватил руку Лян Бань Ху. Они крепко держались, как хрупкие деревья в снежной буре. Они были выстроены в ряд, постоянно сопротивляясь всей силе природы.

Если условия далеко от сражения были настолько горькими, то можно представить, через что проходили эти двое в центре.

Битва между генералом сотни битв и бедным, скромным ученым среди метели. В конце концов, кто получит победу, а кто потерпит поражение?